ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1985–1987 гг.

УДК 94 (470.4)

Л.А. КОРОЛЕВА, А.А. КОРОЛЕВ, О.В. МЕЛЬНИЧЕНКО

На начальном этапе «перестройки» – 1985–1987 гг. – «религиозный вопрос» расценивался как нечто второстепенное, тем не менее, происходят постепенные изменения организационно-управленческой структурной модели советского типа во взаимоотношениях между властью и религиозными объединениями, появляется частичное осознание значимости роли конфессий в жизни общества.

Цель работы состоит в том, чтобы исследовать и проанализировать взаимодействие советских властных структур и РПЦ, исторический опыт, специфику, мировоззренческие основы генезиса православных религиозных общин и их деятельности на начальном этапе «перестройки» 1985–1987 гг. путем решения следующих задач:

– охарактеризовать механизмы, формы и методы реализации и особенности государственно-церковной политики в отношении православия;

– раскрыть условия, в которых протекала деятельность православных религиозных объединений в исследуемый период, факторы влияния на нее;

– изучить эволюцию, направления и специфику функционирования православных конфессиональных объединений в исследуемый период.

По мнению М.И. Одинцова, «в середине 80-х годов XX столетия все – и власть, и нарождавшаяся оппозиция – отчетливо осознавали, что «просыпающееся» общество и, прежде всего, его огромная верующая часть, заставит привести в реальное соответствие с ее потребностями параметры всех видов религиозных объединений. С точки зрения разрешения данной проблемы политическими средствами это означало, что в выигрыше окажутся те политические силы, которые, во-первых, быстрее осознают значимость «религиозного вопроса» в новых условиях и, во-вторых, точнее сформулируют и предложат практические механизмы удовлетворения религиозных потребностей верующих граждан» [10, с. 140]. И руководство, и оппозиционные силы начинали понимать, что необходимо формировать новую политику в сфере свободы совести, т.е. в отношении «граждан, имеющих различные мировоззренческие ориентации; религиозных организаций; церквей как социальных институтов; зарождавшихся конфессионально ориентированных партий; религиозного и нерелигиозного (атеистического) мировоззрения» [9, с. 35].

Преобразования в государственно-церковных отношениях должны были базироваться на принципиально новых оценках роли и позиции православия в обществе и, как следствие, основ взаимоотношений с Русской Православной Церковью, совершенствовании уже существовавшей нормативно-правовой базы конфессиональной политики государства, в том числе – принятии закона о свободе совести и религиозных организациях, и кардинальной реструктуризации системы органов, через которые осуществлялось взаимодействие власти и РПЦ. Но переломить устоявшиеся традиционные принципы государственно-конфессиональных отношений было очень сложно. Именно поэтому религиозная политика советского государства на начальном этапе «перестройки» 1985–1987 гг. характеризовалась противоречивостью: реальность требовала расширения сложившихся рамок государственно-церковной практики, но власть продолжала прежнюю линию.

Курс М.С. Горбачева на «перестройку» не означал отказа от фундаментальных основ развития советского общества, в том числе и по отношению к религии. Государственно-конфессиональная политика в основном продолжала тенденции периода Л.И. Брежнева и последующих руководителей СССР.

Предпринимаемые со стороны Русской Православной Церкви попытки поставить вопрос о необходимости коренных изменений в сфере государственно-церковных отношений не находили понимания у руководителей государства. 17 декабря 1985 г. в адрес М.С. Горбачева было направлено письмо управляющего делами Московской Патриархии Таллинского митрополита Алексия

с предложением о пересмотре устаревшего религиозного законодательства. В ответ на это обращение Совет по делам религий при Совете Министров СССР не рекомендовал затрагивать подобного рода вопросы. В феврале 1986 г. в записке председателя КГБ СССР В. М. Чебрикова в ЦК КПСС «О результатах проверки анонимного письма в адрес ЦК КПСС о злоупотреблениях священника Боброва и других служителей церкви» предлагалось поручить Совету по делам религий при Совете Министров СССР совместно с Министерством финансов СССР разработать дополнительные меры по усилению контроля за финансово-хозяйственной деятельностью исполнительных органов религиозных общин [19, д. 97, л. 3].

Хотя в 1985 г. отменили обязательную регистрацию паспортных данных при крещении, погребении и церковном бракосочетании, некоторые периферийные уполномоченные Совета по делам религий еще несколько лет требовали исполнения данных норм священнослужителями [12, с. 7]. Так, члены комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах при Кузнецком горисполкоме Пензенской области «проводили выборочную проверку паспортов и квитанций на предмет подлинности подписей, проводили беседы с супружескими парами, совершившими обряд» [3, д. 123, л. 136–137].

В ответ на развернутую в западных странах кампанию по защите свободы совести в СССР ЦК КПСС в марте 1986 г. принял постановление «О мерах по противодействию клеветнической клерикальной зарубежной пропаганде в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции», в котором указывалось на необходимость тщательного контроля за деятельностью религиозных организаций и усиления борьбы с антикоммунизмом в его религиозном виде. В свою очередь, главы и представители Церквей в СССР в обращении к религиозным деятелям и пастве по поводу 70-летия Октябрьской революции отмечали, что «процесс перестройки оказывал положительное влияние также и на развитие жизни Церквей... Исключительно важное направление в нашей деятельности – служить углублению вовлеченности верующих в процесс перестройки» [20, с. 214–215].

Но отдельные сдвиги в сторону либерализации отношения к религии все же прослеживались. После апрельского 1985 г. пленума ЦК КПСС был ускорен механизм регистрации религиозных объединений, религиозные общины получили право на строительство и приобретение зданий для своих нужд, снят запрет на церковный колокольный звон и т. д. В 1987 г. в общем русле демократизации в СССР произошло освобождение многих «узников совести», что «положительно было воспринято в США» [16, д. 303, л. 3].

В контексте ротации партийно-государственного аппарата на пост председателя Совета по делам религий назначают К. М. Харчева (1984 г.). К. М. Харчев характеризовал сущность своей работы как «проведение в жизнь новой политики государства в отношении Церкви. Перед нами не стояла цель реформировать Церковь – это не дело государства, от лица которого выступал Совет. Просто мы пытались сформировать и реализовать новую государственную политику в отношении религиозных организаций» [21].

В 1986 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР подготовил записку совместно с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС о проведенном общем совещании «Современные тенденции в идеологии и деятельности Русской Православной Церкви. Проблемы контроля за соблюдением законодательства о культах». В совещании принимали участие уполномоченные Совета, научные работники, специализировавшиеся по вопросам православия. В записке содержался достаточно объективный анализ состояния РПЦ и были выявлены новые моменты в развитии религиозных православных объединений. Отмечалось, что ранее политика по сокращению сети религиозных объединений РПЦ наряду с положительными последствиями имела и ряд негативных: «Во-первых, в тех случаях, когда снятие с регистрации общины было необоснованным, создавались определенные условия для возбуждения недовольства верующих, незаконного проведения молитвенных собраний, для появления элементов экстремизма. Во-вторых, это привело к концентрации верующих, духовенства, религиозного актива, а также материальных средств в городских приходах, что сделало их более мощными» [17, д. 162, л. 26]. В документе указывалось, что возросла активность Русской Православной Церкви в общественно-политической жизни. РПЦ имеет своих представителей в Советском комитете защиты мира, стремится к членству в таких организациях, как «Общество охраны памятников истории и культуры», «Общество борьбы за трезвость» [17, д. 162, л. 28]. В заключение говорилось: «Указанные явления во внерелигиозной сфере

деятельности РПЦ стимулируются, во-первых, растущим уровнем гражданской зрелости и социально-политической активности верующих и, во-вторых, широкими межхристианскими и межрелигиозными контактами церкви в рамках экуменического и миротворческого движений за рубежом» [17, д. 162, л. 29]. Затем давался прогноз развития ситуации: «В условиях дальнейшей демократизации жизни советского общества, повышения уровня политического сознания и культуры людей, в том числе и верующих, а также растущей активности религиозных сил в борьбе за разрешение актуальных проблем современности общественно-политическая активность РПЦ... будет возрастать» [17, д. 162, л. 29]. Подчеркивалась необходимость анализа правовых аспектов данной деятельности РПЦ в условиях, «когда церковь отделена от государства, а религия является частным делом граждан, а также оценки ее последствий, как исходя из потребностей решения стратегических внутри- и внешнеполитических задач, так и с точки зрения идейно-мировоззренческого воспитания советских людей, обеспечения господства марксистско-ленинской идеологии в обществе». Вывод делался вполне логичный и традиционный для того времени о «необходимости серьезного повышения идейно-теоретического уровня атеистической пропаганды с учетом отмеченных тенденций в идеологии и деятельности РПЦ» [17, д. 162, л. 29].

В 1986 г. в Совет министров СССР был направлен проект Указа Верховного Совета СССР «О религиозных организациях в СССР», подготовленный Советом по делам религий, союзными министерствами и ведомствами. Проект, во многом повторявший предыдущее законодательство, был возвращен на доработку в союзный Совет по делам религий в 1987 г. Данный документ вызвал полярные отзывы о нем [5, с. 40–41].

Постепенно в официальных заявлениях стали звучать другие мотивы: «Верующие поддерживают курс партии на коренное обновление нашего общества. Они видят в перестройке заботу партии, государства о... сохранении мира, об утверждении принципов социальной справедливости, о чистой нравственной атмосфере общества» [7, с. 12]. Подчеркивалось, что верующие «правильно» понимали курс партии на ускорение социально-экономического развития страны, объективных процессов – «придание социализму человеческого лица» [2, д. 6, л. 41].

В 1987 г. состоялась встреча председателя Совета по делам религий К. М. Харчева с архиереями РПЦ, на которой он сказал об отмене многих «хрущевских» ограничений, например, на вхождение священников в «двадцатку», на служение по «регистрации» уполномоченного и т. д. [13, с. 186–187]. В 1987 г. была объявлена амнистия, по которой освобождение коснулось и граждан, осужденных в свое время за религиозную деятельность. Выступая на одном из закрытых собраний партийных пропагандистов, К. М. Харчев сожалел, что не может разрешить диаконическое служение конфессий в больницах, потому что там моментально объявятся католики и протестанты, т. к. РПЦ «находится в таком забитом состоянии, что в данный момент ресурсами на подобную деятельность не обладает» [20, с. 218].

Процесс деидеологизации в стране шел очень неровно, у советского руководства не было четкой программы и вообще понимания демократизации страны. К. М. Харчев отмечал: «Все, что нам удалось сделать за достаточно короткий период... все это невозможно было осуществить без соответствующих решений ЦК КПСС. Руководство политбюро в лице секретарей особой поддержки в этом деле нам не оказывало. Но надо учитывать, что и в самом ЦК боролись два направления: перестроечное и консервативное. Такое противоборство шло и на среднем и низшем уровнях. Большую помощь и поддержку нам оказывал Александр Николаевич Яковлев, который в то время возглавлял идеологический отдел ЦК КПСС. В период подготовки закона о свободе совести и религиозных организациях серьезную поддержку оказывал нам Валерий Легостаев (помощник члена политбюро Егора Лигачева). А вот, например, секретарь ЦК Вадим Медведев или заместитель заведующего отделом ЦК по идеологической работе Александр Дегтярев, наоборот, всячески препятствовали нашим идеям, были противниками» [21]. К. М. Харчев подчеркивает, что «это было вполне естественно. За годы советской власти был воспитан целый слой атеистических деятелей, которые буквально жили атеизмом. На атеистическую пропаганду тогда выделялись громадные государственные деньги, и эти деятели, если бы религию и атеизм уравняли, утратили бы не только идеологические позиции, но и материальное благополучие» [21].

Контакты государства и конфессиональных объединений, в том числе православных, в данных хронологических рамках, часто имели спонтанный характер, находились под воздействием конъюнктурных политических

ситуаций и иногда личностных интересов. На XXVII съезде КПСС была принята новая редакция программы Коммунистической партии, в которой по-прежнему подчеркивалась необходимость и значимость распространения научно-материалистического миропонимания, преодоления религиозных предрассудков. Согласно Уставу КПСС, каждый коммунист должен был решительно бороться с религиозными предрассудками как с «чуждыми социалистическому образу жизни» [6, с. 165, 190]. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в 1986 г. прозвучало: «Необходимо продолжить поиск новых подходов, новых путей и форм атеистической пропаганды и работы с верующими. В решении всех этих задач большую роль могут и должны сыграть вузовские обществоведы. Важно усилить мировоззренческую направленность преподавания» [8, с. 104].

В ноябре 1986 г. Советом Министров РСФСР был образован собственный орган за надзором в религиозной сфере во главе с Л. Ф. Колесниковым — Совет по делам религий РСФСР. Потребность в нем объяснялась «сложностью религиозной ситуации, многонациональным составом республики, многообразием действующих религиозных организаций, появлением так называемых новых культов и движений, потребностью профессионального анализа процессов, происходящих в религиозной сфере, и выработки практических предложений для центральных и местных органов власти в их вероисповедной политике» [2, д. 13, л. 3]. Согласно выписке из протокола № 34 заседания секретариата ЦК КПСС от 30 декабря 1986 г., в номенклатуру должностей секретариата ЦК КПСС были включены должности председателя, первого заместителя и заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров РСФСР [18, д. 168, л. 1].

Свою деятельность республиканский Совет осуществлял в соответствии с Положением о союзном Совете от 25 февраля 1980 г., т. к. собственное Положение не было утверждено Советом министров РСФСР.

Главными задачами Совета предполагались: контроль за соблюдением Конституции СССР, Конституции РСФСР, Декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Постановления ВЦИК И СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», гарантирующих свободу совести; за правильным применением и исполнением на всей территории РСФСР нормативных актов СССР и РСФСР по вопросам, относящимся к религиям; изучение и обобщение практики применения законодательства о свободе совести, разработка проектов законов РСФСР, Указов Президиума ВС РСФСР, постановлений и распоряжений СМ РСФСР по вопросам, касающимся религий и внесение их в СМ РСФСР; информирование правительства РСФСР о деятельности религиозных организаций и состоянии контроля за соблюдением законодательства о свободе совести в областях, краях и республиках РФ; содействие религиозным организациям в осуществлении международных связей, в участии в борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами.

Совет по делам религий РСФСР во многом дублировал деятельность союзного Совета. Так, основная часть уполномоченных всех областей, краев и республик РСФСР подчинялась непосредственно республиканскому Совету, уполномоченные крупных городов (Москва, Ленинград, Краснодар и т. д.) имели двойное подчинение — двух Советов. Уполномоченные с мест дублировали документы, отправляя одинаковые в союзный и российский Советы. Например, уполномоченный Совета по Пензенской области А. С. Васягин, не мудрствуя лукаво, на своих информационных отчетах в качестве адресата писал просто: «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР» [3, д. 125, л. 19].

Как отмечает М. И. Одинцов, «в начале особых различий в его позиции (в сравнении с союзным Советом) по принципиальным вопросам вероисповедной политики не ощущалось. Это было связано не только с тем, что во главе их стояли представители одной правящей партии (К. М. Харчев и Л. Ф. Колесников), ориентированные на общие идеологические установки в религиозном вопросе, но и тем, что волна «перестройки и гласности» тогда еще до Советов не докатилась» [11, с. 8–9].

В феврале 1987 г. председатель Совета К. М. Харчев направил в ЦК КПСС аналитическую записку «О некоторых вопросах реализации политики партии в отношении религии и церкви на современном этапе», в которой он доказывал потребность отказа от воинствующей позиции в отношении конфессий, необходимость согласования своих действий с чаяниями верующих, актуальность демократизации религиозного законодательства. «Закономерно, что партийные органы остались глухи к озабоченностям и предложениям председателя союзного Совета. Это понятно,

поскольку для них религиозные вопросы были вопросами идеологическими, а не правовыми, и решать их они намеревались административно-идеологическими мерами в целях достижения партийных установок на «искоренение религии» и недопущения какого-либо ее «оживления» в социалистическом обществе» [10, с. 142].

Благотворным для Русской Православной Церкви явился перенос наблюдения за ее деятельностью из идеологических структур ЦК КПСС исключительно в юридический отдел. Проблема правового регулирования государственно-конфессиональных отношений приобретает все большую актуальность, о чем говорилось даже в «Правде»: «В СССР до сих пор практически нет закона, регулирующего отношения государства и церковных конфессий. Его функции выполняет Сборник материалов и документов «Законодательства о религиозных культах», изданный в 1971 г. для служебного пользования и предназначенный только для работников исполкомов, уполномоченных по делам религий, судебно-прокурорских работников и служащих других организаций, соприкасающихся с религиозными культами, но отнюдь не для духовенства или людей, служащих в церкви. Материалы и документы сборника устарели, совершенно не отражают особенностей нашей эпохи. К тому же основной его документ «О религиозных объединениях» принят в апреле 1929 г., т. е. в период крупных социальных деформаций» [14, с. 2].

Постепенно цементируется фундамент для принципиально новых государственно-конфессиональных отношений. Власти необходимо заручиться широкой поддержкой курса «перестройки» со стороны Русской Православной церкви и верующих. Переломным стал 1988 г., что было связано с празднованием тысячелетия крещения Руси, которое позиционировалось в контексте государственного реформирования не только и, пожалуй, не столько как церковное мероприятие, но серьезное общественно-государственное событие.

Однако ясного представления модели взаимоотношений власти и конфессий пока так и не было еще выработано. В руководстве страны присутствовали различные, иногда противоречивые взгляды по поводу свободы, которую следовало предоставить религиозным объединениям: «Позиция Совета по делам религий часто вызывала противодействие у консервативной части центрального партийного аппарата и у местных руководителей, возмущенных «потворством церковникам». С одной стороны, власти уже практически не чинили препятствий открытию в приходах воскресных школ, проведению внебогослужебных катехизических занятий с верующими. Священнослужители получили доступ к СМИ, стали принимать участие в публичных дискуссиях о проблемах нравственного состояния общества и путях его оздоровления, культурного наследия, сохранения мира» [15, с. 95–100]. С другой – советская религиоведческая наука делала вывод, что «в мировоззрении и поведении верующих религия уже не является определяющим фактором, в их сознании все меньше и меньше остается места для таких ведущих религиозных идей, как идея бога, провиденциализм, эсхатология. Верующих все больше одолевают сомнения в существовании потустороннего мира, бессмертия души» [1, с. 198]. На местах активно продолжала выпускаться атеистическая литература. К. М. Харчев подчеркивал, что зачастую местные органы власти «противятся новому, рассуждая о недопустимости «уступок» церкви. Другие, не умея правильно строить отношения с верующими, ждут указаний сверху – как быть в каждом отдельном случае, создают волокиту при решении простых вопросов» [22, с. 3]. Республиканский Совет также отмечал, что «перестройка в подходах к решению вопросов, связанных с религиозной сферой, идет медленно» [2, д. 7, л. 16].

Уполномоченные Совета по делам религий сообщали с мест, в частности из Куйбышевской области, что хотя обстановка и изменилась, «вместе с тем, внутрицерковная жизнь продолжает оставаться мирком, который нельзя оставлять без соответствующего внимания. Религиозная обстановка... остается непростой. В то же время взаимоотношения между верующими, служителями культа и местными партийно-советскими органами становятся проще. Полнее стало выполняться законодательство о культах, проще решаются вопросы о регистрации новых религиозных объединений и передачи верующим бывших культовых зданий» [4, д. 54, л. 21]. И вынуждены были при этом признать, что «партийно-советский актив и активисты атеистического воспитания... к такому заметному изменению в государственно-церковных отношениях, вниманию со стороны руководителей партии и государства, средств массовой информации к церквам и верующим... не готовы» [4, д. 72, л. 18–19].

На местах уполномоченные Совета по делам религий активно продолжали свою

деятельность, как правило, в прежнем формате. Так, уполномоченный Совета по Пензенской области А. С. Васягин докладывал в столицу: «Руководствуясь решениями XXVII съезда КПСС,.. в Пензенской области принимались определенные меры, направленные на повышение эффективности контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах, последовательным осуществлением конституционного принципа свободы совести» [3, д. 125, л. 1]. Заметно активизировалась деятельность комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах

Итак, на начальном этапе «перестройки» 1985–1987 гг. у власти, с одной стороны, появилось осознание необходимости каких-то шагов в сторону приведения в соответствие с изменявшимися условиями законодательства о культах, но отсутствовало понимание содержания данного процесса, с другой стороны, в самом руководстве страны присутствовали противодействовавшие силы, стремившиеся оставить все, как было. Но сохранить «статус-кво» было невозможно, поскольку власти нужно было заручиться широкой поддержкой курса на «перестройку» со стороны Русской Православной Церкви и верующих. Но инерция и консерватизм, противоборство в государственно-партийном руководстве по поводу задач и способов реформирования не позволили быстро и мобильно приступить к выработке принципиально новой платформы во взаимоотношениях между РПЦ, обществом и государством. Противоречивая и неровная переориентация государственно-конфессиональной политики протекала параллельно с оформлением новой позиции РПЦ по актуальным проблемам современной российской реальности. Даже столь минимальное снятие ограничений на деятельность конфессиональных объединений, часто при сохранении прежней практики регламентации на местах со стороны уполномоченных и советских органов власти, действовавших на протяжении многих лет, создавало условия для активного вовлечения верующих граждан и их религиозных организаций в социально-экономическую и духовную жизнь страны. Следует согласиться с М. И. Одинцовым, что «религиозный вопрос» везде стал заложником политических и идеологических столкновений властных элит, партийно-номенклатурных игрищ, решался зачастую в угоду «злобе дня» [9, с. 23].

1. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. М. : Политиздат, 1990.
2. ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1.
3. ГАПО. Ф. 2392. Оп. 1.
4. ГАСО. Ф. 4089. Оп. 1.
5. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. [Текст] / под общ. ред. А.П. Торшина (В.А. Бабинцев, Е.Н. Житник, М.И. Одинцов, А.Е. Себенцов). М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
6. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986.
7. Наука и религия. 1987. № 2. С. 12.
8. О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М. : Политиздат, 1981.
9. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. [Текст] / М.И. Одинцов. М. : Российское объединение исследователей религии, 2010.
10. Одинцов М.И. На переломе эпох: государство и религиозные объединения в СССР. 1985–1990 гг. [Текст] / М.И. Одинцов // Права человека в России и за рубежом: материалы Второй Международной научно-практической конференции «Правовые средства обеспечения и защиты прав человека: российский и зарубежный опыт» (Москва–Пенза, 24-26 ноября 2009 г.). М. : Академия МНЭПУ, 2009. С. 140–142.
11. Одинцов М.И. Некоторые аспекты вероисповедных реформ в России в 1985–1997 гг. [Текст] / М.И. Одинцов // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. С. 8–9.
12. Определения Священного синода // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 5. С. 7–8.
13. Пимен (Хмелевский), архиепископ. Всегда с Богом. Саратов : Летопись, 2000.
14. Правда. 1988. 17.06. С. 2.
15. Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2000. Т. 12.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101.
17. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 99.
18. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 11.
19. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 18.
20. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штиккер. Т. 2. М. : Пропилеи, 1995.
21. Смирнов М. Реформатор в кресле чиновника [Текст] М. Смирнов // НГ-религии. 09.17.2008.
22. Харчев К.М. Утверждая свободу совести // Известия. 1988. 26.01. С. 3.